

УДК 94(47)''8/12''(045)+821.161.1'04-94(045)+398(47)(045)

Д.В. Пузанов

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОХОТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ IX–XIII вв.

Статья посвящена анализу элементов героической охоты в древнерусских летописях и эпосе о Волхе / Вольге. Отмечается, что дошедшие до нас источники сохранили сведения только о повышавшем престиж правителя типе героической охоты. Подобные варианты охоты должны были быть известны на Руси еще до прихода христианства. В отличие от других христианских стран, церковь здесь благоприятно восприняла традиции героической охоты, которые стали осмысливаться как близкий к аскетизму подвиг – испытание князя.

В древнерусских летописях героическая охота представлена коллективным занятием, в котором достойный князь должен брать на себя активную роль и рисковать своей жизнью. В потерявшем связи с реальной традицией эпосе о Волхе / Вольге функции помощников правителя нивелируются еще сильнее, либо правитель превращается в одинокого охотника.

Ключевые слова: героическая охота, княжеская охота, древнерусские летописи, былины, охота на оленя, охот на кабана, христианизация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-543-552

Некоторые виды престижной охоты предполагают осознанное ограничение преимуществ социальной системы над животным миром и «преднамеренное провоцирование опасности»¹. Для удобства назовем эту разновидность «героической охотой»². Не всякую престижную охоту можно назвать «героической». По мере развития классового расслоения, аристократия, напротив, может выражать свой статус за счет способности мобилизовать и управлять большим количеством ресурсов [8, с. 340; 19, с. 73–74]. Некоторые элементы героической охоты со временем могут становиться позорными для аристократа [19, с. 74].

Во время героической охоты разыгрывались разные формы «социального» престижа. В архаичных типах опасной охоты нередко видят специфичное занятие элитарной военизированной группы людей. Из последних заметных работ на подобную тему можно выделить труд французского антрополога Б. Хелла, в котором были реконструированы связи между представлениями об особой мускулиной охотничьей субкультуре, оборотничестве, охотничьей ярости; а также французскими мифологемами о «диких людях», употреблением сырого мяса дичи, болезнью бешенства и престижными запросами средневековой европейской элиты [39].

Широко была распространена и другая практика – единоборство с опасным животным (на севере – это чаще всего кабан и медведь) оказывалось тесно связано с занятиями правителя. В языческом греко-римском мире такие единоборства имели важное значение и ассоциировались с подвигами героев прошлого (прежде всего, Геракла) [35, с. 218–219]. Королевской дичью представлен кабан в кельтской мифологии [19, с. 69]. Когда речь заходит о германцах, исследователи обычно описывают архаичную рискованную охоту как элемент общевоинской инициации юношей [19, с. 68]. Однако в «Круге земном», где описания охоты редки, присутствует повествование о конунге Сигурде Олене, ходившем в гордом одиночестве по лесам в поисках крупной дичи [29, с. 591; 31, с. 39–40].

Отдельное внимание исследователи уделяют вопросам влияния христианства на охотничьи традиции. При этом обращает на себя внимание, прежде всего, борьба церкви с таким времяпровождением, которая в итоге приводит к существенной трансформации самого занятия. В Западной Европе это проявилось в замене «престижной» дичи с имевшего негативные символические коннотации кабана на оленя (Во Франции и Англии эти процессы происходят еще в XII–XIII вв., в Германии – только в XIV–XV) [19, с. 74]. В Риме и Византии с V–VI вв. начинает падать престиж охоты, как достойного

¹ Употребим довольно меткое словосочетание, используемое С. Крейн для описания ритуальной сущности западноевропейской охоты на кабана [37, р. 109].

² Мной этот термин был заимствован из труда Ф. Десколы [6, с. 77], хотя данный автор и не дал достаточно четкого определения для данного явления.

правителя занятия [35, с. 219–220]. С X по XII вв. интерес к престижной охоте в сохранившейся восточной части империи постепенно возрождается. При этом ценными оказываются не только опасные единоборства с крупными животными, но и охота на мелкую дичь, которая также символически сопоставлялась с подвигами Геракла [35, с. 222, 224]. Наиболее известные византийские источники отражают светский взгляд на охоту. Данное занятие воспринималось как своеобразная тренировка в военном деле, а описание успехов правителя на этом поприще служило задачам риторического восхваления. Даже когда успех на охоте служил маркером везения, этот аспект осмыслялся со светских позиций, а достижения на охоте преподносились как всего лишь один из многих других признаков удачливости человека [25, с. 152, 287–288]. Поэтому у И. С. Чичурова были все основания утверждать, что изображение Владимира Мономаха бродящим по лесам аскетом (что многие исследователи связывают с охотничьими пристрастиями князя) в «Послании о посте митрополита Никифора» следует местным, древнерусским традициям, сильно отойдя от византийских идеалов [36, с. 143].

Древнерусская книжность знает только тот тип героической охоты, который способствует повышению престижа правителя. Именно героическая охота обычно бывает представлена в описаниях княжеских ловов. Даже краткое сообщение под 1091 г. об охоте Всеволода Ярославича, во время которой с небес спал огромный змей, сопровождается в Радзивилловской летописи иллюстрацией (см. рис.), где князь как будто один на один выходит сражаться с чудовищем [27, л. 123 об.]. Хотя сам текст не позволяет реконструировать характер охоты, сообщая лишь об использовании на ней сетей или ловушек³.

Рис. Падение большого змея во время охоты Всеволода Ярославовича в 1091 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи, XV в.

Вторая особенность древнерусских сообщений о героической охоте заключается в том, что в них всегда упоминается о человеческих партнерах князя, присутствие которых только подчеркивает подвиги правителя на охоте. Владимир Мономах в своем «Поучении детям» сообщает о том, что он выполнял работу за своих слуг, в том числе и на охоте [22, стб. 251]. Но при описании единоборств князя с животными все партнеры правителя, за исключением лошади, исчезают. Определенное сходство имеет сообщение Ипатьевской летописи об охоте Владимира Васильковича, который не ждал своих слуг, когда сталкивался с ведрем или медведем, а сам расправлялся с любым зверем [23, стб. 905–906]. В той же летописи находит подробное описание столкновения Даниила Галицкого и его отроков с ка-

³ Сети могли применять и при весьма рискованных формах охоты на кабана [19, с. 67].

банами. Охота на данное животное происходит теми способами, которые к тому времени еще не изжили себя и в центральной Европе: спешившийся князь орудует рогатиной. При этом книжник подчеркивает, что ровно половину (то есть троих) кабанов завалил сам князь, а оставшихся – его отроки [23, стб. 830]. Комментируя этот эпизод, Н. Ф. Котляр отмечал, что такой молодецкий подвиг совершил князь в весьма солидном по меркам тех лет возрасте – в 50 лет [16, с. 32]. Мы отметим и своеобразие контекста, в котором описывается этот подвиг: дикие свиньи попались под горячую руку князя, когда он провожал войско, возглавляемое его сыном Романом. Добытое мясо отдали воинам на дорогу.

Своеобразные формы активности князя во время охоты отражены в русском эпосе. Две разных таких формы присутствуют в близких образах богатыря-князя Волха / Вольги. В былине, записанной Киршей Даниловым, Волх охотится во время похода в Индию. Ночью, пока спит дружина, князь-оборотень оборачивается волком и ловит животных на пищу и одеяния своим воинам. А затем так же ночью, обернувшись соколом, добывает пропитание дружине, охотясь на птиц [7, с. 74]. Отметим, что Волх в этой былине нападает в том числе и на могущественных хищников, обладающих силами, многократно превосходящими волчьими (медведь, барс).

В других вариантах былин о Волхе / Вольге князь охотится не один, а вместе со своей дружиной. Последняя вяжет сети и устанавливает их, в то время как правитель, обернувшись волком или львом, загоняет животных в ловушки [4, с. 232; 18, стб. 552]. Точно также при помощи сетей, обернувшись щукой, Вольга с дружиной ловит рыбу [4, с. 231–232; 18, стб. 553]. Иногда подобным образом охотятся и на пернатых: дружина ставит силки, но без князя не может ничего поймать. Тогда богатырь сам оборачивается птицей и «заворачивает» добычу [18, стб. 552–553].

Разные сюжеты об охоте Волха / Вольги могли восходить к одному источнику. На это указывают особенности распространенного начала этих произведений, в котором птицы, животные и рыбы уходят в глубину мест своего обитания, как бы спасаясь от охотника-рыболова бегством (в явно поздних вариантах такого сюжета образ Вольги может быть перепутан с образом Микулы Селяновича) [4, с. 231–232, 235, 251–252]. В былине, записанной Киршей Даниловым, этот мотив выглядит загадочно. Хотя Волх здесь тоже охотится на животных и птиц, в шуку он не оборачивается и рыбу не ловит. Тем интереснее тот факт, что при его рождении, в данном варианте, дрожит и трясется земля и царство Индийское, колышется море. Рыба идет в глубину, птицы – высоко в небо, звери прячутся в укромных местах [7, с. 72]. Т. е. сюжет бегства живности явно связывается с сотрясением страны, в которую Волх отправляется войной. Локусы бытования всех будущих жертв «хищного» богатыря сотрясаются при его рождении. В другой былине ни птицы, ни рыбы не упоминаются. Только *турки* и олени расходятся по лесам, хотя Волх в этой поэме пойдет походом на Индию [3, с. 159]. В эпической песне, смысл которой исполнительница сама не до конца понимала [15, с. 936], вместе с живностью бежит в Вольгу и человеческий враг Вольги – царь Сантал [4, с. 235]. С другой стороны, в Пудогге была записана былина, похожая на вариант Кирши Данилова. Только вместо земли в ней дрожит дубрава, также трясется Индия и колеблется море. Но отсутствует мотив бегства живности. Зато, Волхв (так в былине) кормит свою дружину не только животными и птицами, но и рыбой [4, с. 238–240]. В то же время рассказчика данного произведения обвиняли в заучивании книжных текстов (возможно незаслуженно) [15, с. 938].

Таким образом, представления о Волхе-охотнике должны были дополняться представлениями о Волхе-рыболове уже ко времени формирования мотива разбегающейся живности. Но как бы не развивался сюжет об охоте в былине, во многих вариантах он сохраняет один, созвучный древнерусской реальности элемент. Люди князя пассивны на охоте, в то время как сам руководитель обеспечивает львиную долю успеха предприятия.

Если правы исследователи, считающие что былины о Волхе восходят к языческим временам (Напр.: [14, с. 331; 20, с. 306]), то эти эпические сочинения можно рассматривать как свидетельство формирования функций князя-охотника на Руси до прихода христианства. В отечественной историографии достаточно популярна точка зрения, согласно которой описания ловов Волхи / Вольги отражают память о присваивающем хозяйстве предков славян [26, с. 74–75; 32; 34, с. 39–40]. Однако если принять интерпретацию ряда исследователей, согласно которой оборотничество Волхи / Вольги восходит к реальности мужских союзов варварской Европы [2, с. 61; 34, с. 441], предположение о содержащемся в былинах пласте времен неолитической революции следует признать излишним. В таких произведениях нет ничего, что нельзя было бы объяснить реконструируемыми индоевропейцами особенностями быта молодежи, одевающейся в шкуры животных и промышленяющей войной, и охотой. Но былины о Волхе сложно назвать и внятным отголоском мужских союзов, ведь оборотень в них только князь.

Идея охоты в лесу, как испытания правителя, действительно могла возникнуть еще в языческую эпоху. Нейтральные территории Восточной Европы должны были тонуть в лесных пространствах, но именно среди таких территорий постоянно оказывались дружины, отправляясь в военные походы. Как только описание вооруженных конфликтов приобретает в летописях детализированный характер, лесные просторы начинают упоминаться в качестве топографических ориентиров, мест передвижения и остановки войска и укрытия (Напр.: [22, стб. 237, 328, 375; 23, стб. 227, 296, 379, 403, 527, 540, 548, 653, 691, 811–812, 855, 910–911]). Находят в летописях отражение и представления об определенных рисках походов через лес [22, стб. 375; 23, стб. 411–412]. Если князь действительно часто соприкасался с лесными пространствами в своей военной практике, то он должен был что-то противопоставить враждебным человеку духовным силам, населявшим эти территории. Обычное отношение рядового охотника с данными существами здесь едва ли было достаточно. Нужно было демонстрировать либо бессилие лесных духов в отношении к князю, либо их покровительство. Охота – один из вариантов такой наглядной «агитации».

Наконец, завоевание высшего положения в пищевой иерархии благоприятствовало переносу на человека характеристик хищного животного. Что в целом соответствовало духу военизированных постарших образований, так сильно зависящих от насильственного изъятия прибавочного продукта у соседних сообществ⁴.

Христианизация вызвала довольно ранние попытки приспособить модель героической охоты под ценности новой веры. Это привело к встрече мифологем о героической охоте, возникших в разное время и в разных культурных условиях. Очевидный пример такого слияния демонстрирует «Поучение Владимира Мономаха».

Еще до революции исследователи нашли к этому сочинению соответствия в «Завете Иуды» из Полной редакции «Заветов двенадцати патриархов». И. Н. Данилевский приводил этот пример как свидетельство того, что и при отсутствии прямых текстологических параллелей можно говорить о заимствовании [5, с. 183–184].

В отличие от других, связанных с описанием охоты параллелей, недавно обнаруженных разными авторами⁵, текст «Заветов» действительно имеет ряд соответствий с «Поучением», которые сложно объяснить простым совпадением. Но какого рода эти соответствия? Параллель, в которой оба автора завещаний излагают их, находясь на смертном одре, обусловлена жанровыми характеристиками подобных сочинений. Необходимость в своеобразном «завещании» возникает на склоне лет, и с утверждения данного факта и начинают свои заветы библейские герои (см.: Втор. 31:2; Нав. 23:2; 1 Цар. 12:2). Аналогичное утверждение содержит и зачин «Поучения Ксенофонта сыновьям» из «Изборника» 1076 г. [12, с. 475], и летописное «Завещание Ярослава Мудрого» [22, стб. 161]. Все уникальные параллели (см. табл.) сводятся к особенностям описания охоты: в обоих нарративах достижения на охоте сопоставляются с ратными подвигами. И Владимир, и Иуда явно считают охоту делом значимым для государя. В обоих текстах упоминаются отцы главных героев (Иуда кормит отца дичью, Владимир охотится с отцом) и среди подвигов фигурирует покорение диких лошадей. Но животные, на которых охотятся авторы завещаний, в основном различны.

Наконец, оба источника обращают особое внимание на взаимодействие охотника с ногами, рогами и зубами животных. Иуда, хватаясь за рога, расправляется с диким волком, подкидывает, схватив за ноги, медведя, а из зубов льва вырывает козленка. Владимира, наоборот, животные топчут, бодают рогами, кусают, вырывают меч [10, с. 174–175; 22, стб. 251]. Вряд ли Мономах пытался провести строгие параллели между упоминаемыми им животными и фауной из «Завета Иуды». Например, 2 тура, подбрасывая князя на рогах вместе с конем, одновременно взаимодействуют с охотником при помощи своих рогов (как вол «Заветов»), подбрасывают его (как Иуда бросал медведя) и нападают на коня (подобно тому, как рысь напала на собаку патриарха). 2 лося, один из которых бодал, а другой топтал Владимира, также одновременно походят и на медведя, и на вола «Заветов». Из неуникальных сходств «Поучения Владимира Мономаха» и «Заветов двенадцати патриархов» следует отметить, что обоим героям помогает в их делах Бог [10, с. 175; 22, стб. 251].

⁴ По мнению Ю. Г. Писаренко, связь князя с подвластными территориями устанавливалась, прежде всего, через коммуникацию с животным миром [21, с. 44]. Аргументацию исследователя мы не можем принять, т. к. она целиком исходит из искусственного смешения представлений об охоте с идеей княгини – олицетворении подвластной земли.

⁵ См. некритичный обзор А. С. Ищенко [13, с. 50–55].

Описание охоты в «Поучении детям Владимира Мономаха» и «Завете Иуды о мужестве»

Поучение детям Владимира Мономаха	Завет Иуды о мужестве
<p>иже со отцемъ ловиль есмь всякъ звѣрь. а се в Черниговѣ дѣяль есмь. конь дикихъ своима рукама связаль есмь. въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь. а кромѣ того иже по Рови ѣзда ималь есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ. олень мя одинъ боль. А 2 лоси одинъ ногами топталъ. а другии рогома боль. вепрь ми на бедрѣ мечь отгяль. медвѣдь ми у колѣна подѣклада оукусиль. лютыи звѣрь скочиль ко мнѣ на бедры. и конь со мною поверже. и Богъ неврежена мя съблюде. и с коня много падах. голову си розбихъ дважды. и руцѣ и нозѣ свои вередих. въ оуности своєї вередих не блюда живота своего. ни щадя головы своєї.</p> <p>Еже было творити отроку моему то сам есмь створиль дѣла. на воинѣ и на ловѣхъ ночь и день.</p>	<p>тѣмъжъ видяше мя отецъ мой иаковъ, яко анггелъ крѣпкаго помогаше ми...</p> <p>и бысть. яко възмоужахъ. и отецъ мой иаков възсхвали мя. глаголя. цесарь боудеши оуправляи о всѣмъ и дасть ми господь благодать въ всѣхъ дѣлехъ моихъ. на полиж и в домоу. вѣдя. яко спостигох ланию. емь ю створихъ обѣдь отцо моемоу. серны имахъ спостижая. и все еже бѣаше на поли. имахъ. кобылоу дивию спостижая и имь оукротих. лва оубивахъ. изяхъ козли из зюбъ емоу. мечкою емь за ногоу свергохъ съ брега. и всякъ звѣрь. иже ся обрати на мя. растергняхъ аки пса. дивяго вепря гнавъ и варивъ его. и текохъ и разбихъ его. рысь в хевроне възсочи на пса. имь за опашъ. вергохъ и. и разбися в придѣлѣ газы. вола дивяго ядоуща ни-воу. имь за рога и обертѣвъ кругомъ и розразивъ повергохъ и и оубихъ и.</p>

Но еще более показательны различия. Недаром И. Я. Порфирьев называл Иуду «Заветов» Геркулесом «древне-еврейского патриархального быта» [24, с. 265]. Патриарх слишком силен, и единственный случай, когда охотник и жертва здесь поменялись местами, относится к его собаке (на которую набросилась рысь, но герой взял хищника за хвост и, бросив, убил [10, с. 175]).

Владимир Мономах, напротив, акцентирует внимание на животных, атаковавших князя. Данное различие усиливается не только куда меньшей физической силой реального, а не легендарного человека. Сам ряд животных, с которыми сталкивался Владимир на охоте, выглядит намного агрессивнее. Из всех объектов охоты правителя робкими жертвами представлены только дикие лошади, но укрощение дикой кобылы упомянуто и в «Завете Иуды». Едва ли агрессивными животными могли считаться серны, которым нет строгого соответствия в «Поучении». Не слишком угрожающе должен был оцениваться и дикий вол «Заветов». Поедая посевы, он, конечно, также, как лев и рысь, того же сочинения, наносит ущерб хозяйству. Однако, пасущийся вол имеет весьма спокойную библейскую семантику. Это животное может сопоставляться со львом и правителем, что в обоих случаях символизирует смирение⁶.

Роль робкой добычи в «Поучении Владимира Мономаха» могли бы выполнять олени и лоси. М. Пастуро считал одной из причин смены основного объекта престижной охоты на Западе относительную безопасность и достаточно «культурный» характер преследования оленя [19, с. 79]. Однако в самом «Поучении» оленивые бодают и топчут охотника. Человеческий коллектив способен сделать рискованной охоту и на этих животных. Отметим, что именно осенью, в период гона, когда олени становятся агрессивными, их преследовали правители Восточно-Франкского королевства династии Каролингов [38, р. 391–392]. Европейская история более позднего времени знает виды походов на оленя, которые явно осмыслились в рамках модели героической охоты и приобретали мистические коннотации [39, р. 24–27, 58–59]. А современные охотничьи сайты, описывая особенности охоты на манок, которая предполагает столкновение одного человека с самцом оленя осенью дают советы в какой конкретно период следует выйти на охоту, и как настроить манок, чтобы привлечь молодого слабого зверя [1].

Отличие от строгого разведения ролей охотник–жертва в «Заветах» дополняется важными деталями. Владимир Мономах акцентирует внимание не только на вреде, наносимом ему животными, но и на травмах, полученных на охоте в целом [22, стб. 251]. Еще одно различие: в «Завете Иуды» о человеческих партнерах патриарха вообще ничего не говорится. Вероятнее всего, герой сочинения представлялся как одинокий охотник с собакой.

⁶ В пророчествах Исаии (65:25) сообщается о том, как мир диких животных не будет причинять зла на Святой горе, в т. ч. лев станет есть солому подобно волу [28, л. 215]. Популярностью пользовалась на Руси библейская история об усмирении гордыни Навуходоносора, когда Бог поселил царя вместе с животными. В таком состоянии правитель приобретает «звериный вид»: волосы отрастают подобно львиной гриве, а ногти становятся птичьими. Подобно же волу, великий властитель вынужден питаться травой (Дан. 4: 22–34) [11, л. 259 об.; 17, с. 318–319; 28, л. 379 об.–380].

Представление о том, что охотник может сам оказаться жертвой, не нуждается в идейном прототипе. Таким взглядам благоприятны и особенности ремесла. То или иное смешение ролей охотника и жертвы исследователи замечают в мифологии разных культур [9, с. 84; 39, р. 283–284; 40, р. 122]. И, тем не менее, благодаря указанным различиям между «Поучением» и «Заветами», смысл этих сочинений во многом противоположен.

Не исключено, что акцент на бедах, обрушивавшихся на Владимира во время охоты, возник в результате использования в качестве примера еще одного источника – описания страданий Павла из Второго послания к коринфянам (11:23–27). На параллели между «Поучением» и этой книгой обратил внимание Б. А. Успенский [33]. Тем не менее, данные тексты весьма существенно расходятся по своему содержанию. Исследователь обосновывал релевантность своего сопоставления использованием в обоих источниках нетипичного «для автобиографического повествования» приема: «перечисление событий... с точным указанием того, сколько раз случилось то или иное событие» [33, с. 44]. Также Б. А. Успенский отмечал общий дух обоих сочинений: авторы одновременно и хвалят себя, и отказываются от похвалы. Но перечисление Владимиром Мономахом точного количества животных, с которыми он имел дело, и числа полученных травм могло возникнуть под влиянием того же «Завета Иуды». Сразу после описания охоты апокриф сообщает о столкновении патриарха с его человеческими врагами, где присутствует множество точных числовых характеристик (количество поверженных врагов, частей на которые разрубает жертву герой, время сражения и т. д.) [10, с. 175].

Внимание, которое Владимир Мономах уделяет своему столкновению с рогатыми животными, могло стать как результатом попытки заменить чем-то серн и ланей (во мн. ч.) и одного дикого вола «Заветов Иуды», так и следствием личного опыта князя или отражением недошедших до нас способов архаичной охоты на оленей и лосей. В любом случае, Владимир творчески осмыслял существовавшие традиции охоты с христианских позиций. «Хищное» подтверждение харизмы превращается в тяжкий и жертвенный труд, княжескую обязанность. Само слово «труд» на древнерусском означало, скорее, некое испытание, чем производительную работу [30, с. 190, 193]. Но и производительный труд (вроде труда земледельца) в глазах христиан – не столько необходимость, сколько наказание от Бога, результат грехопадения (Быт. 3: 17–19). Изначально «культурный» мир переживает из-за действий Адама и Евы катастрофические изменения. Человек, как бы парадоксально это не звучало, создает «дикую природу», вносит в изначально идеальную материю хаос. В этом отношении князь-охотник подобен земледельцу тем, что тоже сталкивается с непослушной природой, которая явилась следствием грехопадения. Восстановление первоначальной гармонии означает и исчезновение хищничества: плотоядные животные будут пастись рядом с травоядными, а ядовитые гады не будут трогать человеческих детей (Ис. 11:6–8; 65:25).

Совершенное Владимиром Мономахом идеологическое осмысление охоты, судя по всему, было благоприятно воспринято церковью. Во всяком случае, в пользу этого свидетельствует включение его «Поучения» в летопись.

Таким образом, можно предположить, что героическая охота завоевала себе место в политической идеологии Древней Руси еще в языческую эпоху. Изначально она была порождением реалий постарших военизированных сообществ, существовавших в условиях Европейской равнины, где важной «буферной» зоной между человеческими коллективами был лес. С введением христианства форма охоты, предполагавшая единоборства правителя с опасными животными, не теряет своей функции легитимации власти. Рискованное, овеянное мистикой столкновение с животным миром, способное ввести человека в состояние, близкое экстазу, стать причиной напрасной смерти или серьезного заболевания (в т. ч. и психического характера) теперь осмысляется как тяжкий подвиг-испытание правителя, в результате которого расположение к нему может продемонстрировать сам Бог. В этом отношении Древняя Русь существенно отличалась от других христианских государств, в письменных источниках которых сохранилось в основном негативное либо нейтральное отношение религии к героической охоте. Не исключено, впрочем, что христианизирующее осмысление наиболее опасных форм охоты содержится в плохо изученных с таких позиций текстах.

Древнерусские источники сохранили только такую разновидность героической охоты, которая повышала престиж правителя. В летописях находит отражение взаимодействие правителя с подчиненными на охоте, в котором князь и его люди выполняют схожие функции, но руководитель вынужден проявлять активность и рисковать больше других. В потерявшем связи с реальной охотничьей традицией русском эпосе роль подчиненных нивелируется до роли совершенно пассивного помощника либо

до полного исчезновения (князь становится одиноким ночным охотником на опасных животных). Большая древность традиций героической охоты на континенте позволяла древнерусским книжникам приспособлять к собственной культуре уже существовавшие попытки книжного осмысления значения такой охоты. И, тем не менее, особенности местных политических реалий делали этот процесс творческим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов В. Виды и особенности охоты на оленя. С манком. URL: <https://brakonyerov.net/ohota/kopytnye/olen.html?ysclid=locnrms4dg28409448#s-mankom-2>
2. Балушок В. Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 57–66.
3. Былины: в 25 т. Т. 8: Зимний Берег Белого моря. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 994 с.
4. Былины: в 25 т. Т. 16: Былины Пудогги. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. 1068 с.
5. Данилевский И. Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
6. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛЮ, 2012. 584 с.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. СПб.: Тропа Троянова, 2000. 432 с.
8. Дробышев Ю. И. Древние тюрки и окружающая среда // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый Сад, 2008. С. 329–364.
9. Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Изд-во ББИ, 2016. xiv, 518 с.
10. Заветы двенадцати патриархов // Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 96–232.
11. Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М.: Книга, 1983. 266 л.
12. Изборник 1076 года. М.: Наука, 1965. 1096 с.
13. Ищенко А. С. «Ловы» Владимира Мономаха: книжные контексты одного летописного фрагмента // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 50–55.
14. Козловский С. В. Древняя Русь в зеркале былинной традиции. Гендер, сакральность и социальные практики в героическом эпосе. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 512 с.
15. Комментарии к текстам былин // Былины: в 25 т. Т. 16: Былины Пудогги. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. С. 935–1055.
16. Котляр Н. Ф. Церемониал, этикет и развлечения княжеского двора Романовичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 23–33.
17. Матвиенко В. А., Щеголева Л. И. Книги временные и образные Георгия Монаха: в 2 т. Т. 1. Ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи. М.: Наука, 2006. 634 с.
18. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. LVI с., 1336 стб.
19. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
20. Пиккио Р. История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
21. Писаренко Ю. Г. Князівські лови в традиційній свідомості давньоруського суспільства // Український історичний журнал. 1993. № 7–8. С. 44–52.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
24. Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. 315 с.
25. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
26. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
27. Радзивиловская летопись: в 2 т. Кн. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.; М.: Глаголь; Искусство, 1994. 253 л.
28. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304. I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 90. Книги 16 Пророков толковые. 463 л. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-90>
29. Сванидзе А. А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы. М.: НЛЮ, 2014. 800 с.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30: (Томъ — Уберечися). М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 320 с.
31. Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Ладомир; Наука, 1995. 690 с.
32. Сухарев А. К. Зачем Волх в Индию ходил? Или следы древнейших сказаний о Волхе в былине «Волх Всеславьевич» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 179–199.
33. Успенский Б. А. Владимир Мономах и апостол Павел // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 43–45.
34. Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история (Работы разных лет). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 592 с.

35. Черноглазов Д. А. Описания охоты в письмах Феодора Дафнопата: к вопросу о развитии охотничьих мотивов в византийской литературе // *Античная древность и средние века*. 2015. Вып. 43. С. 208–228.
36. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991. 176 с.
37. Crane S. *Animal Encounters: Contacts and Concepts in Medieval Britain*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 271 p.
38. Giese M. Continental Royal Seats, Royal Hunting Lodges and Deer Parks Seen in the Mirror of Medieval Written Sources // *Hunting in Northern Europe Until 1500 AD. Old Traditions and Regional Developments, Continental Sources and Continental Influences*. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2013. P. 387–396.
39. Hell B. *Sang Noir. Chasse, forêt et mythe de l'homme sauvage en Europe*. Paris: L'œil d'or, 2012. 338 p.
40. Ingold T. *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill*. London; New York: Routledge, 2002. xiv, 465 p.

Поступила в редакцию 27.06.2023

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела исторических исследований
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: puzanov_dv@udman.ru

D.V. Puzanov

HEROIC HUNTING IN THE OLD RUS SOCIAL CONSCIOUSNESS OF THE 9th–13th CENTURIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-543-552

The article is devoted to the analysis of the elements of heroic hunting in the Old Rus chronicles and the epic about Volkh / Volga. It is noted that the sources that have come down to us have preserved information only about the type of heroic hunting that increased the prestige of the ruler. Similar hunting options should have been known in Rus even before the advent of Christianity. Unlike other Christian countries, the church here favorably perceived the traditions of heroic hunting, which began to be perceived as similar to asceticism, a feat and a test of the Prince.

In the Old Rus chronicles, heroic hunting is presented as a collective activity in which the pious prince had to take an emphatically active role and risk his life. In the epic about Volkh / Volga, which has lost touch with the real tradition, the role of the prince's assistants is leveled even more, or the ruler turns into a lone hunter.

Keywords: heroic hunting, princely hunting, Old Rus chronicles, epics, deer hunting, boar hunting, Christianization.

REFERENCES

1. Antonov V. *Vidy i osobennosti ohoty na olenya. S mankom* [Types and Features of Deer Hunting. With a Decoy]. URL: <https://brakonierov.net/ohota/kopytnye/olen.html?ysclid=locnrms4dg28409448#s-mankom-2> (In Russian).
2. Balushok V. G. *Iniciacii drevnih slavyan (popytka rekonstrukcii)* [Ancient Slavs Initiations (An Attempt of Reconstruction)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1993, no 4, pp. 57–66. (In Russian).
3. *Byliny: v 25 t.* [Bylinas: In 25 Vol.]. Vol. 8. *Zimnij Bereg Belogo moray* [Winter Coast of the White Sea]. St. Petersburg, “Nauka” Publ.; Moscow, “Klassika” Publ., 2018, 994 p. (In Russian).
4. *Byliny: v 25 t.* [Bylinas: In 25 vol.]. Vol. 16. *Byliny Pudogi* [Bylinas of Pudoga]. St. Petersburg, “Nauka” Publ.; Moscow, “Klassika” Publ., 2013, 1068 p. (In Russian).
5. *Danilevsky I. N. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let* [Hermeneutical Foundations for Studying Chronicle Texts. The Primary Chronicle]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2019, 448 p. (In Russian).
6. *Descola P. Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow, “NLO” Publ., 2012, 584 p. (In Russian).
7. *Drevnie rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* [Old Russian Poems Collected by Kirsha Danilov]. St. Petersburg, “Tropa Troyanova” Publ., 2000, 432 p. (In Russian).
8. *Drobyshev Yu. I. Drevnie tyurki i okruzhayushchaya sreda* [Old Turks and the Environment]. *Etnicheskaya ekologiya: narody i ih kul'tura* [Ecological Anthropology: Peoples and Their Culture]. Moscow, “Staryj Sad” Publ., 2008, pp. 329–364. (In Russian).
9. *Girard R. Veshchi, sokrytye ot sozdaniya mira* [Things Hidden Since the Foundation of the World]. Moscow, “BBI” Publ., 2016. xiv, 518 p. (In Russian).

10. Zavety dvenadcati patriarchov [Testaments of the Twelve Patriarchs]. Pamyatniki otrenchennoj russkoj literatury. So-brany i izdany N. Tikhonravovym [Monuments of the Repudiated Russian Literature. Collected and Published by N. Tikhonravov]. St. Petersburg, 1863, vol. 1, pp. 96–232. (In Russian).
11. Izbornik Svyatoslava 1073 goda. Faksimil'noe izdanie [Svyatoslav's Izbornik of 1073. Facsimile Edition]. Moscow, "Kniga" Publ., 1983, 266 sheets. (In Russian).
12. Izbornik 1076 goda [Izbornik of 1076]. Moscow, "Nauka" Publ., 1965, 1096 p. (In Russian).
13. *Ishchenko A. S.* "Lovy" Vladimira Monomaha: knizhnye konteksty odnogo letopisnogo fragmenta [Vladimir Monomakh's Hunting: Book Contexts of One Chronicle]. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science], 2020, no. 2, pp. 50–55. (In Russian).
14. *Kozlovsky S. V.* Drevnyaya Rus' v zerkale bylinnoj tradicii. Gender, sakral'nost' i social'nye praktiki v geroicheskom epose [Old Rus in the Mirror of Epic Tradition. Gender, Sacredness and Social Practices in the Heroic Epic]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 512 pp. (In Russian).
15. Kommentarii k tekstam bylin [Comments on the Texts of Bylinas]. Byliny: v 25 t. [Bylinas: In 25 vol.]. Vol. 16. Byliny Pudogi [Bylinas of Pudoga]. St. Petersburg, "Nauka" Publ.; Moscow, "Klassika" Publ., 2013, pp. 935–1055. (In Russian).
16. *Kotlyar N. F.* Ceremonial, etiket i razvlecheniya knyazheskogo dvora Romanovichej [Ceremonial, Etiquette and Entertainment of the Romanovich Princely Court]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus. Issues of Medieval Studies], 2007, no. 2 (28), pp. 23–33. (In Russian).
17. *Matvienko V. A., Shchegoleva L. I.* Knigi vremennye i obraznye Georgiya Monaha [Temporary and Figurative Books by Georgy Monakh]. Vol. 1. Part 1. Interpretirovannyj tekst Troickoj rukopisi [The Interpreted Text of the Trinity Manuscript]. Moscow, "Nauka" Publ., 2006, 634 p. (In Russian).
18. Onezhskie byliny zapisannye A. F. Gilferdingom letom 1871 goda [Oneza Bylinas Recorded by A. F. Gilferding in the Summer of 1871]. St. Petersburg, 1873, LVI p., 1336 columns. (In Russian).
19. *Pastoureau M.* Simvolicheskaya istoriya evropejskogo srednevekov'ya [Symbolic History of the European Middle Ages]. St. Petersburg, "Aleksandriya" Publ., 2012, 448 p. (In Russian).
20. *Picchio R.* Istoriya drevnerusskoj literatury [The History of Old Rus Literature]. Moscow, "Krug" Publ., 2002, 352 p. (In Russian).
21. *Pysarenko U. G.* Knyazivki lovy v tradycijnij svidomosti davnorusskogo suspilstva [Princely Hunting in Tradition Consiousness of Old Russian Society]. Ukrayinskyj istorychnyj zhurnal [Ukrainian Historical Magazine], 1993, no. 7–8, pp. 44–52. (In Ukrainian).
22. Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. Moscow, "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., 1997, 496 p. (In Russian).
23. Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis' [Hypatian Codex]. Moscow, "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., 1998, 648 p. (In Russian).
24. *Porfiriev I.* Apokrificheskie skazaniya o vethozavetnyh licah i sobytyah [Apocryphal Legends About Old Testament Persons and Events]. Kazan, 1872, 315 p. (In Russian).
25. Theophanes Continuatus. Zhizneopisaniya vizantijskih carej [Biographies of the Byzantine Emperors]. St. Petersburg, "Aletejya" Publ., 2009, 400 p. (In Russian).
26. *Propp V. Ya.* Russkij geroicheskij epos [Russian Heroic Epic]. Moscow, "Labirint" Publ., 1999, 640 p. (In Russian).
27. Radzivilovskaya letopis': v 2 t. [Radziwill Chronicle: in 2 books]. Book 1. Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi [Facsimile Reproduction of the Manuscript]. St. Petersburg, Moscow, "Glagol" and "Iskusstvo" Publ., 1994, 253 sheets. (In Russian).
28. Russian State Library. Department of Manuscripts. Fund 304. I. Glavnoe sobranie rukopisej biblioteki Troice-Sergievoj lavry [The Main Collection of Manuscripts of the Library of the Trinity Lavra of St. Sergius], no. 90. Knigi 16 Prorokov tolkovye [The Books of the 16 Prophets are Sensible], 463 sheets. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-90> (In Russian).
29. *Svanidze A. A.* Vikingi — lyudi sagi: zhizn' i nrawy [The Vikings: The People of Sagas. Their Life and Habits]. Moscow, NLO, 2014. 800 p. (In Russian).
30. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv [Dictionary of the XI–XVII Centuries Russian language]. Issue 30. (Tom — Uberechisya). Moscow, St. Petersburg, "Nestor-Istoriya" Publ., 2015, 320 p. (In Russian).
31. *Snorri Sturluson.* Krug zemnoj [Heimskringla]. Moscow, "Ladomir" and "Nauka" Publ., 1995. 690 p. (In Russian).
32. *Sukharev A. K.* Zachem Volh v indiyu hodil? Ili sledy drevnejshih skazanij o Volhe v byline "Volh Vsesla-v'evich" [Why Volkh Invaded the Indian Land? Or the Trails of the Ancient Heroic and Mythical Tales in the Russian Epic Tale "Volkh Vseslavievich"]. Vestnik slavyanskih kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures], 2018, vol. 48, pp. 179–199. (In Russian).
33. *Uspensky B. A.* Vladimir Monomah i apostol Pavel [Vladimir Monomakh and Paul the Apostle]. Verenica liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova [Verenica liter: To the 60th Anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow, "Yazyki slavyanskoj kul'tury" Publ., 2006, pp. 43–45. (In Russian).

34. *Froyanov I. Ya., Yudin Yu. I.* Bylinnaya istoriya (Raboty raznyh let) [Bylina History (Works of Different Years)]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 1997. 592 p. (In Russian).
35. *Chernoglazov D. A.* Opisaniya ohoty v pis'mah Feodora Dafnopata: k voprosu o razvitii ohotnich'ih motivov v vizantijskoj literature [Hunting Descriptions in Theodore Daphnopates' Letters: Some Observations on the Development of Hunting Motifs in Byzantine Literature]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages], 2015, Issue 43, pp. 208–228. (In Russian).
36. *Chichurov I. S.* Politicheskaya ideologiya srednevekov'ya (Vizantiya i Rus') [The Political Ideology of the Middle Ages (Byzantium and Rus)]. Moscow, "Nauka" Publ., 1991, 176 p. (In Russian).
37. *Crane S.* *Animal Encounters: Contacts and Concepts in Medieval Britain*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2013, 271 p.
38. *Giese M.* Continental Royal Seats, Royal Hunting Lodges and Deer Parks Seen in the Mirror of Medieval Written Sources. *Hunting in Northern Europe Until 1500 AD. Old Traditions and Regional Developments, Continental Sources and Continental Influences*. Neumünster, Wachholtz Verlag, 2013, pp. 387–396.
39. *Hell B.* *Sang Noir. Chasse, forêt et mythe de l'homme sauvage en Europe* [Black Blood. Hunting, Forest and the Myth of the Wild Man in Europe]. Paris: "L'œil d'or" Publ., 2012. 338 p. (In French)
40. *Ingold T.* *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill*. London, New York, Routledge, 2002, xiv, 465 p.

Received 27.06.2023

Puzanov D.V., Candidate of History, Researcher of the Department of Historical Research
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
E-mail: puzanov_dv@udman.ru